

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ
ДЕЛО «МУРДАЛОВЫ ПРОТИВ РОССИИ»
(Жалоба № 51933/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 2 (материальный и процедурный аспекты) • Жизнь • Похищение полицией и последующее исчезновение родственника заявителей в ходе контртеррористической операции в Чечне • Отсутствие эффективного расследования

Статья 3 (материальный и процедурный аспекты) • пытки • Утрата статуса жертвы • Присуждение адекватной компенсации • Расследование признано эффективным • Сотрудник органов внутренних дел, осужденный за жестокое обращение, полностью отбыл тюремный срок

Статья 3 (материальный аспект) • Душевные страдания заявителей из-за исчезновения родственника и неэффективного расследования

Статья 13 • Отсутствие эффективного средства правовой защиты в отношении жалоб по Статье 2 и Статье 3

СТРАСБУРГ

31 марта 2020 года

Данное постановление станет окончательным при обстоятельствах, изложенных Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Мурдаловы против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой в следующем составе:

Пол Лемменс, *Председатель*,

Хелен Келлер,

Дмитрий Дедов,

Алена Полачкова,

Жильберто Феличи,

Эрик Веннерстрем,

Лоррен Шембри Орланд, *судьи*,

и Милан Блашко, *Секретарь Секции*,

Проведя 3 марта 2020 года заседание за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№ 51933/08) против Российской Федерации, поданной в Суд 14 октября 2008 года тремя гражданами России в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). Личные данные заявителей приведены в прилагаемой таблице.

2. Заявители были представлены юристами из неправительственной организации «Правовая инициатива по России» (Stichting Russian Justice Initiative) в партнерстве с другой неправительственной организацией – «Астрея». Правительство Российской Федерации (далее – Правительство) представлял М. Гальперин, Представитель Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. 9 января 2018 года Правительству было направлено уведомление о жалобах, касающихся (I) похищения, пыток и последующего исчезновения родственника заявителей и (II) непроведения властями эффективного расследования по делу и отсутствия эффективного внутригосударственного средства правовой защиты от заявленных нарушений. Остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с правилом 54 § 3 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Первый и второй заявители являются отцом и матерью Зелимхана Мурдалова, 1975 года рождения, третья заявительница является его сестрой.

A. Похищение Мурдалова и жестокое обращение с ним

5. Согласно сообщению заявителей, 2 января 2001 года примерно в 11 часов утра Мурдалов шел по улице Павла Мусорова в Октябрьском районе г. Грозного поблизости от здания Октябрьского временного отдела внутренних дел (далее – ВОВД). Мурдалова окружили шесть сотрудников ВОВД, обыскали якобы по подозрению в незаконном употреблении наркотиков, а затем избили.

После этого сотрудники ВОВД накинули на голову Зелимхана его куртку и затащили его в здание ВОВД. Следователь Ж. составил протокол задержания Мурдалова и возбудил в отношении него уголовное дело №15201/03 по статье 228 УК (незаконное хранение наркотиков). Впоследствии, по-видимому, уголовное дело было прекращено в связи с отсутствием состава преступления.

6. В помещении ВОВД сотрудник Л., известный под кличкой «Кадет», стал избивать Мурдалова кулаками, ногами и резиновой палкой с целью заставить его стать информатором органов внутренних дел. Около 19 часов 2 января 2001 года Мурдалов был переведен в изолятор временного содержания ВОВД ((далее – ИВС) с видимыми травмами, которые были зафиксированы врачом, включая черепно-мозговую травму с потерей сознания, нарушение дыхания, открытый перелом левой руки и разрыв уха (см. также п. 30). Затем Мурдалова поместили в камеру, где он перенес несколько приступов. В камеру вызвали врача, который сделал Мурдалову несколько уколов.

7. 3 января 2001 года следователь Ж. вручил сотруднику Л. постановление об освобождении Мурдалова. Л. вернул следователю данное постановление с подписью Мурдалова, которую, очевидно, подделал с целью заставить следователя поверить, что Мурдалов освобожден. Позднее в тот же день Мурдалова забрали из камеры несколько сотрудников ВОВД, включая Л. (который его избивал). С тех пор Мурдалова не видели.

8. Власти не оспаривали изложенные заявителями факты.

В. Официальное расследование инцидента

1. Предварительная информация

9. Расследование обстоятельств исчезновения и смерти Мурдалова и жестокого обращения с ним проводилось в рамках пяти уголовных дел. Первое уголовное дело № 15004 было возбуждено по факту его исчезновения и возможной смерти (см. п. 11). Второе уголовное дело № 90003 было возбуждено по факту предполагаемого превышения полномочий тремя сотрудниками ВОВД с применением насилия в отношении Мурдалова (см. п. 15). Третье уголовное дело № 61883 было возбуждено по факту предполагаемого превышения полномочий двумя сотрудниками ВОВД с применением насилия (см. п. 16) (два уголовных дела по факту применения насилия в отношении Мурдалова были впоследствии объединены в одно – см. п. 19). Четвертое уголовное дело, номер которого неизвестен (возбужденное по факту возможного убийства Мурдалова), и пятое уголовное дело (под номером 252/404523-15) были объединены в уголовное дело по факту исчезновения и возможного убийства Мурдалова (см. п. 34).

2. Основные действия, предпринятые следствием в рамках уголовного дела об исчезновении и смерти Мурдалова

10. 5 января 2001 года заявители обратились в прокуратуру Чеченской Республики с жалобой по поводу исчезновения сына и с просьбой о содействии в его поиске.

11. 7 января 2001 года прокуратурой Чеченской Республики было возбуждено уголовное дело № 15004 (которое в представленных документах также упоминается под номером 15005) по статье 126 Уголовного кодекса РФ (похищение человека).

12. 13 апреля 2001 года был допрошен Х.Х., который находился под стражей в ИВС 2 января 2001 года. Он сообщил, что видел, как Мурдалова доставили в камеру с многочисленными травмами. Врач М. сделал ему несколько уколов, а затем Мурдалова выволокли из камеры сотрудники ВОВД, после чего Мурдалов, вероятно, скончался, поскольку не мог ходить и двигаться без посторонней помощи; по-видимому, его тело спрятали охранники ИВС.

13. 25 сентября 2003 года по просьбе первого заявителя Ленинский районный суд признал Мурдалова пропавшим без вести.

14. 17 июня, а затем 17 октября 2005 года первый заявитель обратился в прокуратуру Чеченской Республики с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников П., М., К. и Ж. (следователь), которые (как полагал первый заявитель) были причастны к совершению преступления в отношении Мурдалова (похищение человека). По-видимому, заявление осталось без ответа.

3. Уголовное дело в отношении сотрудников П. и М.

15. 10 февраля 2003 года следствие выделило часть уголовного дела №. 15004 в отношении офицеров П., М. и Л. по п. «а» части 3 статьи 111 и п. «а», «б» и «в» части 3 статьи 286 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и превышение должностных полномочий) в отдельное производство под № 90003.

16. 18 ноября 2005 года следствие выделило часть уголовного дела № 90003 в отношении сотрудников М. и П. в отдельное производство под № 61883; часть уголовного дела (в отношении сотрудника Л.) по факту превышения должностных полномочий, причинения тяжкого вреда здоровью Мурдалова и служебного подлога осталась в рамках уголовного производства № 90003 (см. п. 29).

17. 15 мая 2006 года сотрудникам П. и М. были предъявлены обвинения в превышении полномочий и причинении тяжкого вреда здоровью Мурдалова. Есть основания считать, что к моменту предъявления обвинения оба сотрудника уже уехали из России в Казахстан. Они были объявлены в розыск.

18. 17 мая 2006 года Заводской районный суд вынес постановление о заочном аресте сотрудников П. и М.

19. 1 апреля 2010 года уголовные дела № 90003 и № 61883 в отношении сотрудников П. и М. были объединены в одно под номером 90003.

20. В период с 2010 по 2015 год следствие по уголовному делу в отношении сотрудников П. и М. неоднократно приостанавливали (а затем возобновляли) из-за невозможности установить их местонахождение.

21. 15 декабря 2015 года сотрудник М. был задержан в г. Омске и доставлен в следственный изолятор г. Грозного.

22. 17 декабря 2015 года после ареста М. несколько организаций ветеранов войн обратились к Президенту Российской Федерации с просьбой об освобождении М. и прекращении уголовного дела против него.

23. 25 декабря 2015 года следствие по уголовному делу № 90003 было возобновлено. Первому заявителю было направлено уведомление об этом.

24. 26 декабря 2015 года следствие изменило М. меру пресечения с содержания под стражей на подписку о невыезде.

25. 15 января 2016 года первый заявитель, сославшись на то, что обвинение предъявлено только сотруднику Л. (см. п. 30), в то время как сотрудник П.

по-прежнему находится в розыске, попросил информировать его о ходе следствия.

26. 25 января 2016 года П. был задержан и доставлен в изолятор временного содержания в Дзержинске Нижегородской области. Затем следствие изменило П. меру пресечения с содержания под стражей на подписку о невыезде.

27. Постановлениями от 18 и 26 января 2016 года соответственно уголовные дела в отношении сотрудников П. и М. были прекращены в связи с отсутствием в их действиях состава преступления. В тексте постановлений следователи указывают, что не обнаружили в действиях М. и П. признаков превышения должностных полномочий и причинения тяжкого вреда здоровью Мурдалова. В постановлениях также говорится, что из семи свидетелей, опрошенных в ходе следствия, только Л. в ходе допроса в отсутствие адвоката дал показания на сотрудников М. и П., однако впоследствии он в присутствии адвоката отказался от своих предыдущих показаний в отношении обоих сотрудников, поскольку эти показания, как он утверждал, были даны под принуждением. Кроме того, в ходе последующей очной ставки с М. и П. сотрудник Л. не подтвердил свои показания о причастности М. и П. к применению насилия в отношении Мурдалова.

28. 22 марта 2016 года первый заявитель письменно обратился к заместителю Генерального прокурора с просьбой о привлечении к ответственности сотрудников П. и М. за их предполагаемую причастность к жестокому обращению с его сыном и, возможно, к его убийству. В ответ ему сообщили, что по факту убийства Мурдалова возбуждено уголовное дело.

4. Уголовное дело в отношении сотрудника Л.

29. В неустановленную дату между 2003 и 2004 годами следствием по уголовному делу № 90003 были предъявлены обвинения сотруднику Л. в превышении должностных полномочий, причинении тяжкого вреда здоровью Мурдалова и служебном подлоге (см. п. 16).

30. 29 марта 2005 года Октябрьский районный суд г. Грозного признал Л. виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 111 (причинение тяжкого вреда здоровью), 286 (превышение должностных полномочий) и 292 (служебный подлог) УК РФ и приговорил его к одиннадцати годам лишения свободы с запретом занимать должности в правоохранительных органах сроком на три года. Суд установил, что Л. подверг Мурдалова жестокому обращению, нанеся ему удары руками и ногами, а также резиновой палкой, пытаясь принудить Мурдалова к информационному сотрудничеству с органами внутренних дел. Соответствующие части приговора гласят:

«... В судебном заседании... подсудимый Л. ... пояснил, что [в день, когда произошли события] ... он повел [Мурдалова] в ИВС. Когда стали спускаться по лестнице вниз, Мурдалов упал [и получил] незначительные покраснения от падения. ... Начальник ИВС сказал, чтобы он отобрал объяснения о том, где задержанный [Мурдалов] получил телесные повреждения. ... расписался в объяснении [Мурдалов] лично ... На следующий день, 03 января 2001 года, утром он встретил следователя Ж., который передал ему документы на освобождение Мурдалова. Когда он направился с этими документами в ИВС, [он] встретил Т., который... взял [у него] документы и сказал, что сам освободит задержанного...

...

На предварительном следствии подсудимый [сотрудник Л.] часто менял свои показания, видя появление по делу новых доказательств, изобличающих его в совершении

преступлений. [Например], о том, что Мурдалова З.А. вывел из ИВС ... не он, а Т., подсудимый стал утверждать, узнав о смерти Т.

...

Из показаний свидетелей, допрошенных в ходе расследования по делу, а также в судебном заседании, следует, что в момент доставления Л. в камеру ИВС Мурдалова З. А. голова у Мурдалова была обвязана окровавленным бинтом и опухшая, что также свидетельствует о том, что показания подсудимого [Л.] о получении Мурдаловым телесных повреждений в результате падения с лестницы, неверны. Кроме того, из заключения судебно-медицинской экспертизы № 86 от 12.04.2002 [которая была проведена на основании документов, содержащихся в материалах уголовного дела], следует, что у Мурдалова имелись клинические проявления черепно-мозговой травмы (длительная утрата сознания, судороги, нарушения дыхания), а также открытый перелом левой руки и разрыв ушной раковины.

...

Указанные телесные повреждения характерны для неоднократного действия тупых твердых предметов, что могло иметь место при нанесении ударов таковыми. Судебно-медицинская комиссия считает маловероятным возникновение повреждений головы, спины, правой руки при падении Мурдалова З. А. «с высоты собственного роста или с лестницы».

...

Согласно судебно-подчерковедческой экспертизе № 238 от 15 мая 2002 года, подписи от имени Мурдалова З. А. в ... протоколе личного обыска Мурдалова З. А. [и] ... в постановлении об освобождении из ИВС ... вероятно, выполнены Л.».

31. Согласно выводам суда, следователи предприняли ряд действий по сбору доказательств причастности Л. к избиению Мурдалова. В частности, они допросили следователя (Ж.), врача М., г-на Х.Х., первого заявителя, самого Л., двух свидетелей, которые содержались в ИВС и видели Мурдалова, и двух сотрудников, которые в тот день находились в ВОВД. Следователи назначили четыре экспертизы, чтобы установить причину получения Мурдаловым телесных повреждений, указанных в материалах уголовного дела, и выяснить, была ли фальсифицирована подпись г-на Мурдалова.

32. 30 марта 2005 года Л. в первый раз обжаловал приговор. После нескольких раундов апелляций на разных уровнях 26 июля 2011 года Верховный Суд РФ снизил срок наказания Л. с одиннадцати до десяти лет.

33. В неустановленный день 2014 года Л. был освобожден после отбытия наказания.

5. Уголовное дело по факту смерти Мурдалова

34. В неустановленную дату не позднее 25 мая 2016 года Управлением по расследованию особо важных дел Следственного комитета РФ было возбуждено уголовное дело по факту убийства Мурдалова. Номер дела неизвестен; впоследствии оно было объединено в одно производство с уголовным делом, возбужденным по факту его похищения, т.е. делом № 15004 (см. п. 11); объединенному делу был присвоен номер 252/404523-15. 28 мая 2016 года следствие по объединенному делу было приостановлено в связи с невозможностью установить личности предполагаемых преступников. Первого заявителя проинформировали об этом. Какой-либо информации о дальнейших изменениях в ходе производства по данному делу не имеется.

С. Гражданское судопроизводство о возмещении морального вреда

35. 24 февраля 2009 года первый заявитель обратился в Ленинский районный суд г. Грозного с ходатайством о признании его гражданским истцом по уголовному делу №. 15004 (дело об исчезновении Мурдалова). Ссылаясь на обвинительный приговор Л., он запросил 10 000 000 рублей (216 000 евро) в качестве возмещения материального ущерба и морального вреда, причиненных жестоким обращением с Мурдаловым и его исчезновением, а также компенсацию расходов и издержек.

36. 11 июня 2009 года Ленинский районный суд г. Грозного, со ссылкой на обвинительный приговор Л., присудил первому заявителю 500 000 рублей (около 11 500 евро) в качестве компенсации морального вреда в связи с жестоким обращением с Мурдаловым и отказал в остальной части взыскания. В соответствующей части решения говорится:

«... истцом не представлены доказательства, подтверждающие расчет затрат, включая услуги представителя потерпевшего (договор, заключенный с адвокатом, авиа- и железнодорожные билеты, квитанции об оплате гостиничных номеров и т.д.). Также суд не находит причинно-следственной связи заболевания истца, согласно приложенным медицинским документам, с похищением [его] сына Мурдалова З.А. На основании изложенного ... суд решил... в части взыскания ... материального ущерба отказать».

37. 15 сентября 2009 года Верховный Суд Чеченской Республики оставил это решение без изменения.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ

38. Краткое изложение применимого внутреннего законодательства и других материалов об исчезновениях в регионе см. в постановлениях по делам *Aslakhanova and Others v. Russia* (nos. 2944/06 и 4 других, § 43–59 и § 69–84, 18 декабря 2012 года), и *Turluyeva v. Russia* (no. 63638/09, § 65–74, 20 июня 2013 года).

39. Согласно части 3 (а) статьи 111 УК РФ, действовавшей в период с 2003 по 2006 год, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью наказывалось лишением свободы на срок до двенадцати лет.

40. Часть 3 (а), (b), (с) статьи 286 УК РФ, действовавшая в период с 2003 по 2006 год, предусматривала, что совершение должностным лицом действий, (I) явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан, (II) совершенных с применением насилия или с угрозой его применения или с применением оружия или (III) с причинением тяжких последствий, наказывалось лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

41. Статья 292 УК РФ, действовавшая в период с 2003 по 2006 год, предусматривала, что (I) служебный подлог, то есть внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений и (II) внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности, наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо обязательными работами на срок до 80 часов, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо

арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

ПРАВО

I. ОЦЕНКА СУДОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

42. Краткое изложение соответствующих общих принципов см. в постановлении по делу *Khava Aziyeva and Others v. Russia* (no. [30237/10](#), § 62–65, 23 апреля 2015 года, с дополнительными ссылками).

43. Суд отмечает, что в ответ на его запрос о предоставлении полной копии материалов дела о похищении родственника заявителей (дело № 15004) и о жестоком обращении с ним (дело № 90003) Правительство не предоставило ни соответствующих документов, ни собственной версии или альтернативного объяснения событий. В частности, Правительство не отрицало, что Мурдалов содержался в ВОВД, подвергся жестокому обращению и затем исчез. Учитывая представленные материалы, Суд считает, что отсутствие некоторых документов не препятствует рассмотрению Судом вопросов, поднятых в жалобе.

44. Подробности данного дела, как указали заявители, свидетельствуют о том, что сотрудники милиции доставили Мурдалова в ВОВД, а затем в ИВС (см. п. 5 и 6). После избиения Мурдалова увезли, и с тех пор он пропал без вести (см. п. 6 и 7). Суд полагает, что ситуацию, когда лицо было задержано агентами государства и затем пропало без вести более чем на 18 лет, можно считать угрожающей жизни. В связи с этим Суд отмечает, что ранее уже делал выводы о презумпции смерти при отсутствии достоверных сведений об исчезнувших лицах в течение сроков, варьирующихся от четырех (см., например, *Askhabova v. Russia*, no. [54765/09](#), § 137, 18 апреля 2013 года) до более чем десяти лет.

45. Следовательно, по мнению Суда, имеющиеся доказательства позволяют сделать вывод, в соответствии с требуемым стандартом доказывания, что Мурдалова следует считать умершим после его содержания под стражей в ВОВД.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

46. Заявители направили жалобу по Статье 2 Конвенции, утверждая, что их родственник Мурдалов был похищен сотрудниками органов внутренних дел и пропал без вести и что национальные власти не провели эффективное расследование этих событий. Вышеупомянутая Статья гласит:

Статья 2

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(а) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

А. Доводы сторон

47. Правительство утверждало, что жалоба является неприемлемой из-за неисчерпания заявителями внутригосударственных средств правовой защиты, поскольку они не подавали гражданские иски в национальные суды.

48. Правительство не высказало замечаний по существу жалобы.

49. Заявители, ссылаясь на практику Суда (*Aslakhanova and Others*, цит. выше, § 43–59 и § 69–84), утверждали, что не были обязаны исчерпывать гражданские средства правовой защиты, поскольку гражданский иск не мог бы привести к значимым выводам относительно лиц, виновных в насильственном исчезновении родственника заявителей.

50. Заявители указывали, что их родственник Мурдалов пропал без вести после содержания под стражей в ВОВД и что ответственность за его исчезновение, по всей вероятности, несут агенты государства. Кроме того, они утверждали, что расследование исчезновения не соответствовало стандартам Конвенции.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

51. Суд уже установил в ряде аналогичных дел, что в случае, когда расследование в рамках уголовного дела не дало результата, гражданский иск сам по себе не может расцениваться как эффективное средство правовой защиты в контексте жалоб по Статье 2 Конвенции (см. *Aslakhanova and Others*, цит. выше, § 89). Соответственно, Суд считает, что заявители не были обязаны прибегать к гражданским средствам правовой защиты в связи с похищением Мурдалова. Поэтому возражение Правительства по данному вопросу отклоняется.

52. Кроме того, Суд отмечает, что жалоба заявителей не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям по смыслу Статьи 35 § 3 (а) Конвенции и поэтому должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь

53. Суд уже установил, что Мурдалова следует считать умершим после содержания под стражей в ВОВД (см. п. 45). В отсутствие со стороны Правительства каких-либо доводов, свидетельствующих об обратном, или разъяснений Суд считает, что ответственность за смерть Мурдалова может быть возложена на Государство и что имеет место нарушение материально-правового аспекта Статьи 2 в отношении Мурдалова.

(b) Эффективность расследования исчезновения Мурдалова

54. Суд ранее установил, что уголовное расследование не является эффективным средством правовой защиты в отношении исчезновений, имевших место в Чечне в период с 1999 по 2006 год, и что данная ситуация представляет собой системную проблему с точки зрения соблюдения Конвенции (см. п. 51). В данном деле, как и во многих аналогичных рассмотренных Судом делах,

следствие продолжалось в течение долгих лет без каких-либо существенных результатов в отношении установления личности виновных или судьбы Мурдалова. Хотя обязательство проводить эффективное расследование заключается не в гарантировании результата, а в предоставлении средств для его достижения, Суд отмечает, что производство по данному уголовному делу сопровождалось целым комплексом нарушений, подобных перечисленным в постановлении *Aslakhanova and Others* (цит. выше, § 123–125). Несколько раз принимались решения о приостановлении расследования, после чего имели место периоды бездействия, что дополнительно ухудшило перспективы раскрытия преступления (см. п. 20 и 23). Более того, из материалов дела в его нынешнем виде можно сделать вывод, что следователи предпринимали какие-либо действия только в части обвинений в причинении телесных повреждений и злоупотреблении властью (уголовные дела № 90003 и № 61883), а производство по делам об исчезновении и убийстве (уголовные дела № 15004 и № 252/404523-15) оставалось без движения. Следствием не были приняты своевременные и тщательные меры, чтобы найти и опросить свидетелей, в том числе сотрудников ВОВД, которые могли видеть Мурдалова и быть причастны к его последующему исчезновению и смерти. И, наконец, совершенно очевидно, что вопрос о причастности Л. к исчезновению должен был стать одной из версий проводимого национальными властями расследования исчезновения Мурдалова (см. *Mustafa Tunç and Fecire Tunç v. Turkey* [GC], no. 24014/05, § 175, 14 апреля 2015 года, и *Vazagashvili and Shanava v. Georgia*, no. 50375/07, § 82, 18 июля 2019 года).

55. В свете вышеизложенного Суд приходит к выводу, что власти не провели эффективного уголовного расследования обстоятельств исчезновения и смерти Мурдалова. Поэтому имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в ее процедурном аспекте.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЕЙ

56. Заявители, ссылаясь на статью 3 Конвенции, утверждали, что в результате исчезновения Мурдалова и непроведения государством надлежащего расследования этого исчезновения они испытали душевные страдания, что является нарушением Статьи 3 Конвенции.

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию».

57. Правительство не прокомментировало этот довод.

58. Заявители повторили свою жалобу.

A. Приемлемость

59. Суд отмечает, что данная часть жалобы не представляется явно необоснованной в значении § 3 (а) Статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

B. Существо дела

60. Суд неоднократно приходил к выводу, что в ситуации насильственного исчезновения близкие родственники могут быть признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Суть такого нарушения заключается не столько в самом факте «исчезновения» члена семьи, а скорее в реакции и позиции властей в момент, когда ситуация доводится до их сведения (см. *Orhan v. Turkey*, по. 25656/94, § 358, 18 июня 2002 года, и *Imakayeva v. Russia*, по. 7615/02, § 164, ECHR 2006–XIII (выдержки)).

61. Кроме того, Суд отмечает, что в течение ряда лет заявители не получали ни известий о пропавшем сыне и брате, ни правдоподобных объяснений или сведений о том, что с ним случилось после ареста и содержания под стражей в ВОВД. Прямое отношение к делу имеют и выводы Суда относительно процедурного аспекта Статьи 2 (см. п. 55).

62. Поэтому Суд приходит к выводу о том, что имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении заявителей.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ МУРДАЛОВА

63. Заявители также жаловались на то, что Мурдалов подвергся пыткам со стороны милиции и что расследование жестокого обращения с ним было неэффективным.

А. Доводы сторон

64. Правительство утверждало, что первый заявитель не был жертвой предполагаемого нарушения ввиду присуждения ему компенсации национальными судами и ввиду уголовного преследования и осуждения Л. за жестокое обращение с Мурдаловым (см. пункты 30 и 36). Правительство также утверждало, что второй и третий заявители не исчерпали имеющихся у них внутригосударственных средств правовой защиты, поскольку они, в отличие от первого заявителя, не подали гражданский иск о возмещении вреда в национальные суды.

65. Правительство не высказало замечаний по существу жалобы.

66. Первый заявитель настаивал на том, что по-прежнему имеет статус жертвы нарушения прав, поскольку сумма компенсации, присужденная национальными судами, была недостаточной. Второй и третий заявители утверждали, что не были обязаны прибегать к гражданским средствам правовой защиты.

67. По существу жалобы заявители указали, что Мурдалов подвергся пыткам со стороны сотрудников органов внутренних дел и что власти не провели эффективного расследования этих пыток, поскольку осудили только сотрудника Л., но не привлекли к уголовной ответственности сотрудников П. и М.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

68. Вопрос о том, может ли первый заявитель по-прежнему утверждать, что является жертвой нарушения Статьи 3 Конвенции в отношении предполагаемого жестокого обращения с его сыном, тесно связан с существом его жалобы по данной статье. Поэтому Суд решил объединить рассмотрение вопроса о приемлемости с рассмотрением дела по существу.

69. Суд также отмечает, что жалобу нельзя считать явно необоснованной по смыслу § 3 (а) Статьи 35 Конвенции и она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

70. Что касается заявления властей Российской Федерации о неисчерпании средств правовой защиты вторым и третьем заявителями вследствие неиспользования ими гражданско-правовых средств, Суд отмечает, что ни один из этих заявителей (в отличие от первого заявителя) не подавал гражданский иск о компенсации за жестокое обращение с Мурдаловым в национальные суды, которые при наличии такого иска имели бы возможность его рассмотреть, поскольку виновный в жестокое обращение был установлен и привлечен к уголовной ответственности (см. п. 30).

71. Соответственно, Суд поддерживает возражения Правительства и считает, что жалобы второго и третьего заявителей следует отклонить в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты в соответствии с пунктами 1 и 4 Статьи 35 Конвенции.

2. Существо дела

(а) Подвергся ли Мурдалов обращению, запрещенному Статьей 3

72. Общие принципы рассмотрения таких вопросов были закреплены Большой Палатой Суда в постановлении по делу *Bouyid v. Belgium* ([GC], no. 23380/09, § 81–88, ECHR 2015).

73. Национальными судами было установлено, что Мурдалов подвергся жестокому обращению со стороны сотрудника Л. с целью принудить Мурдалова к информационному сотрудничеству с органами внутренних дел (см. п. 5–7 и 30). По всей видимости, данное обращение вызвало у Мурдалова сильные душевные и физические страдания. Оно привело к серьезным телесным повреждениям – черепно-мозговой травме с потерей сознания и нарушением дыхания, открытому перелому левой руки и разрыву ушной раковины, что повлекло за собой тяжкий вред здоровью.

74. Учитывая цель, длительность и интенсивность жестокого обращения и причиненный им вред здоровью Мурдалова, Суд приходит к выводу, что по степени жестокости такое обращение можно приравнять к пытке в значении Статьи 3 Конвенции.

(b) Оценка компенсации за жестокое обращение

(i) Соответствующие принципы

75. Суд согласен с тем, что решения национальных судов можно считать признанием нарушения Статьи 3 Конвенции (см. п. 30 и 73). Вопрос о том, получил ли заявитель компенсацию за вред, причиненный обращением, противоречащим Статье 3 (сопоставимую с суммой справедливой компенсации, предусмотренной Статьей 41 Конвенции), является важным показателем, позволяющим оценить, действительно ли было компенсировано нарушение Конвенции (см. *Shestopalov v. Russia*, no. 46248/07, § 58, 28 марта 2017 года).

76. При оценке суммы компенсации, присужденной национальным судом, Суд на основании имеющихся у него материалов рассматривает вопрос о том, как поступил бы в такой ситуации. Суд неоднократно подчеркивал, что одного лишь установления факта нарушения недостаточно для справедливой компен-

сации в случаях жестокого обращения со стороны полиции или других агентов государства (там же, § 59).

77. К факторам, имеющим значение для определения уровня компенсации в соответствии со Статьей 41 Конвенции в таких случаях, относятся тяжесть нарушения Статьи 3 и причиненный жертве вред (там же, § 60).

78. Даже если метод расчета компенсации, предусмотренный национальным законодательством, не полностью соответствует установленным Судом критериям, анализ практики Суда позволяет национальным судам устанавливать суммы, которые не будут необоснованными по сравнению с присужденными Судом по аналогичным делам (см. *Scordino v. Italy (no. 1)* [GC], no. [36813/97](#), § 213, ECHR 2006–V).

(ii) *Применение общих принципов в настоящем деле*

79. Обращаясь к вопросу о сумме компенсации, присужденной за жестокое обращение с Мурдаловым, Суд отмечает, что национальные суды присудили первому заявителю 11 500 евро в возмещение морального вреда, причиненного жестоким обращением с его сыном. Перед Судом стоит задача выяснить, является ли эта сумма разумной по сравнению с решениями о компенсации, вынесенными Судом по аналогичным делам.

80. Суд нередко присуждает справедливую компенсацию морального вреда, не выделяя сумму компенсации за каждое из установленных нарушений. В подавляющем большинстве дел, подобных рассматриваемому, были установлены нарушения как материальных, так и процедурных аспектов Статьи 3. Во многих других делах назначенные Судом суммы компенсировали также и моральный вред, причиненный нарушением различных статей Конвенции помимо Статьи 3. В ряде дел против России, где Суд установил нарушение Статьи 3 и пришел к выводу, что жестокое обращение было равносильно пытке, Суд присуждал заявителям компенсацию морального вреда в размере от 15 000 до 70 000 евро (см., например, *Voroshilov v. Russia* [Committee], no. [59465/12](#), § 42, 17 июля 2018 года, где Суд признал нарушение Статьи 3 в процедурном и материальном аспектах и присудил заявителю 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда, и *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, nos. [57942/00](#) и [57945/00](#), § 193, 24 февраля 2005 года, в котором родственники заявителей были убиты после пыток, и Суд присудил 15 000 евро и 20 000 евро соответственно первому и второму заявителям; ср.: *Devyatkin v. Russia*, no. [40384/06](#), § 42–44, 24 октября 2017 года, где заявитель подвергся пыткам, будучи несовершеннолетним, и Суд назначил 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного нарушением Статьи 3 Конвенции, и *Maslova and Nalbandov v. Russia*, no. [839/02](#), § 135–36, 24 января 2008 года, где первая заявительница подверглась неоднократному изнасилованию и жестокому обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции, и Суд присудил ей 70 000 евро в качестве справедливой компенсации морального вреда). Во всех этих случаях Суд принял во внимание принципы, установленные в его прецедентном праве (см. п. 77 и 78).

(с) **Было ли расследование жестокого обращения эффективным**

(i) *Применимые общие принципы*

81. Краткое изложение соответствующих общих принципов см. в постановлении по делу *Gäfgen v. Germany* ([GC], no. [22978/05](#), § 115–119, ECHR 2010), и *Bouyid* (цит. выше, § 114–23).

(ii) Применение общих принципов в настоящем деле

82. С самого начала Суд отмечает, что обстоятельства настоящего дела несколько отличаются от обстоятельств рассмотренных Судом дел против России, где речь шла о нарушениях во время так называемой «второй фазы» контртеррористической операции в Чеченской Республике, расследования которых продолжались много лет без каких-либо существенных результатов в отношении установления личности виновных в жестоком обращении (см., например, *Tsakoyevu v. Russia*, по. [16397/07](#), 2 октября 2018 года, и *Alikhanov v. Russia*, по. [17054/06](#), 28 августа 2018 года). Принимая во внимание утверждение первого заявителя о том, что власти при расследовании жестокого обращения ограничились лишь осуждением сотрудника Л., не начав расследование в отношении сотрудников М. и П., Суд рассмотрит жалобы заявителя отдельно в свете вышеперечисленных принципов.

(1) Уголовное дело в отношении сотрудников П. и М.

83. Суд отмечает, что уголовное дело по факту похищения Мурдалова было возбуждено через пять дней после похищения и через два дня после того, как первый заявитель пожаловался в прокуратуру Чеченской Республики (см. п. 10 и 11). Позднее по просьбе первого заявителя следствие выделило в отдельное производство часть уголовного дела в отношении П. и М. о причинении тяжкого вреда здоровью Мурдалова (см. п. 14 и 15). Из представленных документов видно, что следователи предприняли ряд действий, в том числе объявили П. и М. в розыск и впоследствии арестовали их (см. п. 17, 18, 21 и 26). Кроме того, были опрошены несколько свидетелей, в том числе сотрудники и задержанные в ИВС, где содержался Мурдалов, и назначено несколько судебных экспертиз. Представленные документы указывают на то, что единственным доказательством причастности П. и М. к жестокому обращению с Мурдаловым были показания Л. (от которых он впоследствии отказался – см. п. 27). В ходе следствия Л. несколько раз менял показания, чтобы преуменьшить свою роль в причинении тяжкого вреда здоровью Мурдалова и подчеркнуть причастность к этому других сотрудников (см. п. 30). Тем не менее, учитывая выводы следствия в отношении сотрудников П. и М. и отсутствие доказательств их участия в жестоком обращении, уголовное преследование в отношении них было прекращено в связи с непричастностью к совершению преступления. В материалах дела в том виде, в каком они представлены Суду, нет доказательств обратного.

84. Кроме того, Суд отмечает, что Статью 3 нельзя толковать как устанавливающую обязательное требование к властям возбуждать уголовное дело независимо от имеющихся доказательств (см. *Gürtekin and Others v. Cyprus* (dec.), по. [60441/13](#), [68206/13](#) и [68667/13](#), 11 марта 2014 года, и *mutatis mutandis*, *Trivkanović v. Croatia*, по. [12986/13](#), § 79, 6 июля 2017 года). С учетом этих обстоятельств сам по себе факт, что сотрудники М. и П. не были привлечены к ответственности за жестокое обращение с Мурдаловым, не означает, что расследование было неэффективным.

85. Принимая во внимание вышеизложенное и представленные доказательства, Суд не согласен с доводом первого заявителя о том, что, не предъявив обвинения сотрудникам М. и П., власти не исполнили свое процедурное обязательство по Статье 3 Конвенции.

(2) Производство по уголовному делу в отношении Л.

86. Ввиду того, что первый заявитель упоминает о сотруднике Л., Суд отмечает, что в результате проведенного расследования Л. был привлечен к уголовной ответственности за жестокое обращение с Мурдаловым. В связи с этим Суду, во-первых, предстоит оценить незамедлительность принятых властями мер. Суд отмечает, что Мурдалов был доставлен в ВОВД 2 января 2001 года. Уголовное дело по факту похищения Мурдалова было возбуждено 5 января 2001 года, а уголовные дела в отношении сотрудников органов внутренних дел (в том числе Л.) по факту причинения тяжкого вреда здоровью были возбуждены через два года, 10 февраля 2003 г. Представленные документы и (в частности) приговор, вынесенный Октябрьским районным судом г. Грозного, указывают на то, что в ходе разбирательства был предпринят ряд следственных действий (см. п. 27), завершившихся 29 марта 2005 года обвинительным приговором Л.

87. Далее Суд переходит к вопросу о том, был ли вынесенный Л. приговор достаточным для исполнения позитивного обязательства властей в соответствии со Статьей 3 Конвенции.

88. Суд ранее установил, что процедурные требования Статьи 3 не ограничиваются стадией предварительного расследования, в результате которого дело передается в суд на национальном уровне: вся процедура в целом, включая стадию судебного разбирательства, должна соответствовать закрепленному в Статье 3 требованию о запрете пыток. Это означает, что национальные судебные органы ни в коем случае не должны допустить, чтобы осталось безнаказанным причинение физических или психологических страданий. Это необходимо, чтобы обеспечить в обществе доверие и поддержку в отношении верховенства закона и не допустить даже видимости того, что власти терпимо относятся к незаконным действиям или потворствуют им (см. *Okkali v. Turkey*, по. [52067/99](#), § 65, ECHR 2006–XII (выдержки)). Суд указывает на важность временного отстранения от работы агента государства, в отношении которого ведется следствие или судебное разбирательство, а также его увольнения в случае признания виновным (см. *Abdülşamet Yaman v. Turkey*, по. [32446/96](#), § 55, 2 ноября 2004 года).

89. Обращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд отмечает, что Л. был признан виновным по предъявленным ему обвинениям и приговорен к 11 годам лишения свободы с запретом занимать должности в правоохранительных органах сроком на три года (см. п. 26). Хотя он пытался сократить свой приговор путем обжалования в трех судебных инстанциях, эти попытки не принесли существенного результата, поскольку срок его наказания за превышение должностных полномочий и причинение тяжкого вреда здоровью Мурдалова был сокращен всего на один год и в целом составил десять лет лишения свободы (см. п. 32). Это наказание не было минимальным предусмотренным национальным законодательством (см. п. 39–41) и не было условным – Л. отбыл срок в полном объеме (ср.: *Valeriu and Nicolae Roşca v. Moldova*, по. [41704/02](#), § 73, 20 октября 2009 года; *Nikolova and Velichkova v. Bulgaria*, по. [7888/03](#), § 63, 20 декабря 2007 года; и недавнее *O.R. and L.R. v. the Republic of Moldova*, по. [24129/11](#), § 79, 30 октября 2018 года).

(iii) Выводы

90. В свете вышеизложенного и с учетом представленных доказательств Суд приходит к выводу, что сумма, присужденная первому заявителю национальными судами в качестве компенсации за пытки Мурдалова, представляется разумной.

91. Кроме того, Суд считает, что государство-ответчик выполнило свои обязательства в соответствии со Статьей 3 Конвенции по проведению эффективного расследования жестокого обращения с Мурдаловым.

92. С учетом этих выводов Суд поддерживает заявление Правительства относительно утраты первым заявителем статуса жертвы (см. п. 68).

93. Ввиду этого Суду остается констатировать отсутствие нарушения Статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с Мурдаловым.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

94. Заявители жаловались, что в нарушение Статьи 13 Конвенции были лишены эффективных средств правовой защиты в отношении своих жалоб по Статье 2 об исчезновении и смерти Мурдалова и по Статье 3 о жестоком обращении с Мурдаловым и об их собственных душевных страданиях. Статья 13 гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Доводы сторон

95. Правительство не высказало замечаний.

96. Заявители повторили свою жалобу.

B. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

97. Суд не усмотрел нарушения Статьи 3 в отношении жестокого обращения с Мурдаловым. Учитывая отсутствие потенциально обоснованного заявления, жалобу по Статье 3 в совокупности со Статьей 13 в отношении жестокого обращения следует признать неприемлемой в соответствии с § 3 (а) Статьи 35 и Статьей 4 Конвенции.

98. Что касается остальных жалоб заявителей, Суд отмечает, что они не являются явно необоснованными по смыслу § 3 (а) Статьи 35 Конвенции и не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо дела

99. Суд повторяет свои выводы об общей неэффективности уголовных расследований в случаях, подобных рассматриваемому. В отсутствие уголовного расследования, которое принесло бы результаты, любое другое средство правовой защиты становится недоступным на практике. Следовательно, Суд считает, что у заявителей не было эффективного внутригосударственного средства правовой защиты в отношении их жалоб по Статье 2 Конвенции и это является нарушением Статьи 13 (см. *Aslakhanova and Others*, цит. выше, § 157).

100. Кроме того, Суд считает, что заявители не имели в своем распоряжении эффективного внутригосударственного средства правовой защиты в отношении их жалоб по Статье 3 по поводу моральных страданий, причиненных им исчезновением близкого родственника, что является нарушением Статьи 13 в совокупности со Статьей 3 Конвенции (see *Sultygov and Others v. Russia*, nos.

42575/07 и 11 других, § 470, 9 октября 2014 года, и *Abubakarova and Others v. Russia*, nos. 867/12 и 9 других, § 275 и 278, 4 июня 2019 года).

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

101. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Причиненный ущерб

1. Материальный ущерб

102. Заявители выполнили свои расчеты с использованием Огденских актуарных таблиц (Великобритания) и национальных показателей прожиточного минимума и уровня инфляции.

103. Правительство утверждало, что расчеты заявителей не подкреплены документами, которые подтверждали бы заявленный заработок Мурдалова, и что эти расчеты были основаны лишь на предположениях. Кроме того, заявители могли обратиться за назначением пенсии по случаю потери кормильца, но не сделали этого.

2. Моральный вред

104. Суммы, запрашиваемые заявителями по данному основанию, указаны в прилагаемой таблице.

105. Правительство оставило этот вопрос на усмотрение Суда.

В. Расходы и издержки

106. Заявители запросили возмещение судебных расходов и издержек. Соответствующие суммы указаны в прилагаемой таблице. Заявители попросили перечислить присужденные суммы на банковские счета их представителей.

107. Правительство утверждало, что требование заявителей по этому основанию было необоснованным. В частности, Правительство заявило, что документальных представлений и доказательств по делу было немного и необходимости в проведении правовых исследований и подготовке материалов в заявленном объеме не было. Кроме того, Правительство утверждало, что жалоба была основана на уже установившейся прецедентной практике Суда.

С. Оценка, данная Судом

108. Суд напоминает, что между требуемой заявителями компенсацией и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь и что в соответствующих случаях может быть запрошена компенсация за потерю заработков. Суд далее напоминает, что принцип права на компенсацию утраченных заработков касается близких родственников исчезнувших лиц, включая супругов, пожилых родителей и несовершеннолетних детей (см., помимо прочих источников, *Itakayeva*, цит. выше, § 213).

109. В случаях, когда Суд усматривает нарушение Конвенции, он может прийти к выводу, что причиненный заявителям моральный вред невозможно компенсировать одним лишь признанием нарушения, и присудить финансовую компенсацию.

110. Что касается судебных расходов и издержек, Суд должен выяснить, действительно ли они имели место и была ли их сумма необходимой и разумной (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, 27 сентября 1995 года, § 220, Series A no. 324).

111. Принимая во внимание изложенные выше выводы и принципы, а также доводы сторон, Суд присуждает заявителям суммы, указанные в прилагаемой таблице, плюс любые налоги, если они начисляются на данные суммы. Присужденное возмещение издержек и расходов должно быть перечислено на указанные заявителями банковские счета их представителей.

D. Проценты за просрочку

112. Суд считает, что сумма процентов за просрочку должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД

1. *Постановляет* единогласно, рассматривать возражение Правительства относительно статуса первого заявителя как жертвы нарушения Статьи 3 Конвенции вместе с рассмотрением вопроса по существу;

2. *Объявляет* единогласно жалобы второго и третьего заявителей по Статье 3 Конвенции в отношении жестокого обращения с Мурдаловым неприемлемыми;

3. *Объявляет* большинством голосов жалобу заявителей по Статье 13 в совокупности со Статьей 3 Конвенции в отношении жестокого обращения с Мурдаловым неприемлемой;

4. *Объявляет* единогласно остальную часть жалобы приемлемой;

5. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте в отношении исчезновения и смерти Мурдалова;

6. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в ее процедурном аспекте в связи с непроведением властями эффективного расследования исчезновения Мурдалова;

7. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении заявителей в связи с их душевными страданиями из-за исчезновения родственника и в связи с реакцией властей на их страдания;

8. *Постановляет* единогласно, что отсутствовало нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении жестокого обращения с Мурдаловым;

9. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции в совокупности со Статьей 2 в отношении исчезновения и смер-

ти Мурдалова, а также нарушение Статьи 13 Конвенции в совокупности со Статьей 3 в отношении душевных страданий заявителей;

10. *Постановляет* единогласно,

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявителям в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии с § 2 Статьи 44 Конвенции, суммы, указанные в прилагаемой таблице, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этих сумм заявителями, с конвертацией в валюту государства-ответчика по курсу на дату выплаты. Присужденное возмещение издержек и расходов должно быть перечислено на указанные заявителями банковские счета их представителей.

(b) что со дня истечения трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

11. *Отклоняет* единогласно оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 31 марта 2020 года в соответствии с Правилем 77 § 2 и 3 Регламента Суда.

Милан Блашко

Секретарь

Пол Лемменс

Председатель

В соответствии с § 2 Статьи 45 Конвенции и § 2 Правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается особое мнение судей Лемменса и Келлер:

P.L.

M.V.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ЛЕММЕНСА И КЕЛЛЕР

1. Мы согласны с основными выводами по данному делу, в частности с теми, которые касаются нарушений Статей 2 и 3 Конвенции.

Однако, к нашему сожалению, мы не можем согласиться с решением большинства о признании неприемлемой жалобы заявителей на нарушение Статьи 13 в сочетании со Статьей 3 в отношении жестокого обращения с Мурдаловым. По мнению большинства, поскольку Суд не усмотрел нарушения Статьи 3, у заявителей отсутствовало «потенциально обоснованное утверждение» и, таким образом, жалоба по Статье 13 была явно необоснованной (см п. 97 постановления и п. 3 резолютивной части). По нашему мнению, это слишком упрощенное рассуждение.

2. Разумеется, мы согласны с тем, что требование Статьи 13 о наличии эффективного средства правовой защиты касается только таких жалоб, которые могут считаться «потенциально обоснованными» в соответствии с Конвенцией (см., среди прочих многочисленных источников, *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, 27 апреля 1988 года, § 52, Series A no. 131; *Nada v. Switzerland* [GC], no. 10593/08, § 208, ECHR 2012; и *Mozer v. the Republic of Moldova and Russia* [GC], no. 11138/10, § 207, 23 февраля 2016 года).

Потенциальную обоснованность утверждений, на которых базируется жалоба по Статье 13, следует оценивать с учетом конкретных фактов и характера поднятой правовой проблемы или проблем (см., среди прочих, *Boyle and Rice*, цит. выше, § 55; *Plattform «Ärzte für das Leben» v. Austria*, 21 июня 1988 года, § 27, Series A no. 139; *Diallo v. the Czech Republic*, no. 20493/07, § 64, 23 июня 2011 года; *M.A. v. Cyprus*, no. 41872/10, § 117, ECHR 2013 (выдержки); и *Asalya v. Turkey*, no. 43875/09, § 97, 15 апреля 2014 года). Жалобу можно считать потенциально обоснованной, если она не является *prima facie* несостоятельной и требует рассмотрения по существу соответствующими национальными органами (см. *Çelik and İmret v. Turkey*, no. 44093/98, § 57, 26 октября 2004 года; *Nuri Kurt v. Turkey*, no. 37038/97, § 117, 29 ноября 2005 года; и *Singh and Others v. Belgium*, no. 33210/11, § 84, 2 октября 2012 года).

Тот факт, что Суд не усматривает нарушения права в его материальном аспекте, не обязательно означает, что соответствующая жалоба не может быть потенциально обоснованной для целей Статьи 13 (см. *Hatton and Others v. the United Kingdom* [GC], no. 36022/97, § 137, ECHR 2003–VIII, и *Diallo*, цит. выше, § 64). Даже тот факт, что жалоба на материальное нарушение объявляется неприемлемой, не обязательно исключает действие Статьи 13 (см. *M.A. v. Cyprus*, цит. выше, § 117, и *Asalya*, цит. выше, § 97).

3. В настоящем деле Суд установил, что жестокое обращение с Мурдаловым представляло собой пытку по смыслу Статьи 3 (см. п. 74 постановления). Это означает, по нашему мнению, что жалоба заявителей по Статье 3 была потенциально обоснованной и даже более того.

Эффективное расследование жестокого обращения с Мурдаловым (см. п. 91 постановления) и тот факт, что первый заявитель получил разумную сумму компенсации за пытки, которым подвергся Мурдалов (см. п. 90 постановления), в то время как ни второй, ни третий заявители не подавали иск о компенсации (см. п. 70 постановления) – все эти обстоятельства, по нашему мнению, не исключают потенциальную обоснованность жалобы по Статье 3.

Учитывая обоснованность этой жалобы, мы считаем, что жалоба заявителей по Статье 13 должна была быть признана приемлемой.

4. При рассмотрении по существу Суд должен был бы выяснить, действительно ли заявители могли воспользоваться правом на эффективное средство правовой защиты в отношении своей жалобы на жестокое обращение с Мурдаловым.

Поскольку мы согласны с коллегами, что эффективное расследование было проведено и была назначена разумная сумма компенсации за жестокое обращение с Мурдаловым (см. п. 3), мы пришли бы к выводу, что нарушения Статьи 13 не было.

Однако это было бы решением по существу, а не решением о приемлемости жалобы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Жалоба № Дата подачи	Заявители Дата рождения Место жительства Гражданство	Родство с похищенным	Материальный ущерб	Моральный вред	Расходы и издержки
51933/08 14/10/2008	1. Г-н Астемир МУРДАЛОВ 1951 Грозный 2. Г-жа Рукият МУРДАЛОВА 1953 Грозный 3. Г-жа Залина МУРДАЛОВА 1977 Грозный	Отец	Запрашивали заявители		
		Мать	по 803 661 руб. (11 010 евро) первому и второму заявителям Третий заявитель не запрашивал	В сумме на усмотрение Суда	6 336 евро
		Сестра	Назначено Судом		
			По 5000 евро (пять тысяч евро) первому и второму заявителям	80 000 евро (восемьдесят тысяч евро) всем заявителям совместно	2000 евро (две тысячи евро)